

принять къ занятіямъ уже въ Таврическомъ дворцѣ.

Изъ Берлина. Вечернему Голледеграфику: «Въ здѣшнихъ газетахъ напечатана телеграмма изъ Петербурга о томъ, что Государь Императоръ решилъ лично открыть Государственный советъ и Государственную Думу 27 апреля, въ Петербургѣ, съ большой торжественностью».

Черниговъ. Выборщиками послана следующая телеграмма гр. Витте: «Частное совѣщаніе выборщиковъ Черниговской губерніи, въ количествѣ болѣе ста человѣкъ (всего 146), въ числѣ которыхъ почти всѣ представители волостей, глубоко возмущенные арестомъ выборщика крестьянина Гужовского, Нижинскаго уѣзда, требуетъ немедленного освобожденія Гужовскаго, стѣнъ, чтобы онъ успѣхъ прѣѣхать къ четырнадцатому дню выборовъ». Слово: «требуетъ» прошло большинствомъ всѣхъ

голосовъ противъ одного Гужовскаго, избранный кандидатъ въ Думу изъ

Справочнаго бюро для членовъ Государственной Думы. Въ Петербургѣ при городской управѣ открывается выставочное спрашивающее бюро по присоединению квартиръ, домовъ, призывающихъ въ Петербургъ членовъ Государственной Думы. Деятельность бюро находится въ непосредственномъ завѣданіи городской управы. Въ бюро будутъ со средоточены всѣ свѣдѣнія, свободные квартиры, комнаты, номера въ гостиницахъ и тебѣрованыхъ домахъ, причемъ каждому члену Государственной Думы безплатно будетъ предложенъ изданіи

городскими управляемыми проводителью Петербургу и его окрестностямъ. Правила о выдаче представителямъ печати билетовъ на право посещенія засѣданій Государственной Думы и совета, члены которыхъ избраны, будутъ опубликованы. Согласно этимъ правиламъ, въ лицахъ, уполномоченныхъ редакциями, находятся спирки о блестящности въ службѣ, они неизвестны государственному секретарю. На билетахъ представителей печати должны быть напечатаны фотографии, по которымъ воспринимается безусловно. Въ случаѣ затѣй должно быть подано соответствующее заявление о выдаче билета другому лицу, прежнее разрешение теряетъ силу. Предложение снабдить билеты для членовъ Думы фотографическими карточками отвернутого

лица, какъ признанъ неудобнымъ. Для того же, чтобы съ билетомъ членъ въ думу не проникъ постороннее лицо, предписано соединить имя думы членовъ въ лицо къ 27 апреля.

(Не проще было бы вовсе воспретить представителямъ печати давать отчеты о засѣданіяхъ Думы? Пусть бы одно Русское Государство „оглядывалось“!

Объ амнистії.

Сколько времени ужъ на разные дадутъся и переговорыятся вопросъ объ амнистії, въ возу все пѣтъ ходу. Назначены разные сроки для опубликованія акта амнистії: назначали 25 марта, день Благовѣщенія, и 2 апреля — день св. Пасхи, теперь назначаютъ день созыва Государственной думы — 27 апреля. Но гвардейской утвержденности въ томъ, что она будетъ дана настоящимъ правительству, все же не можетъ быть.

Незабудется и то, что Дурново предписалъ не оказывать помощи въ выдачѣ судьи крестьянамъ тѣхъ мѣстностей, где были земельные беспорядки. Люди голодаютъ изъ недостатка земли, отъ не-

достаточныхъ налоговъ и вслухъ, громко, отчаяннѣе обрѣченного на голодную смерть заявили объ этомъ — пѣтъ имъ за это помочи, пустя съ голову дохнуть!

Для Дурново и Витте — амнистія нужна чѣмъ для политическихъ! Амнисториевы не будуть молчать и, возвратясь въ свой родной мѣстѣ, конечно, не бросятъ той работы на благо роднѣ, на благо трудовой части населения, которую они вели до своихъ ссыпокъ и затоинъ, наоборотъ, съ новой энергией вновь примутъ они за нее.

А продолжая эту работу, имъ тысячекратно, вновь придется указать причины разоренія Россіи, виновниковъ этого разоренія; за время, которое они изъѣхали изъ общественной жизни, наконецъ, попытается разобраться въ этомъ отъ

живое слово, жившіе и карьеру свою создававшіе ложными доносами, хватавшіе без разбора всяко, лишь бы показаться дѣятельными, издававшіе надъ лучшими людьми русской земли, сажавшіе ихъ во тюрьмы и остроги и тамъ мучившіе и замучившіе ихъ — они не могутъ расчитывать на сочувствіе къ своей дѣятельности ни отъ кого изъ народныхъ представителей.

Уходя отъ власти, а Вамъ придется отъ нея уйти, — позаботьтесь, гг. Витте и Дурново, объ этихъ сотрудникахъ своихъ.

Врядъ ли покажутся желательными народнымъ представителямъ начальство и почтовыхъ чиновниковъ, допускающее постоянное нарушение почтовой тайны, вскрывавшее и прочитывавшее въ цѣлахъ съска чужія письма, западшее во всѣхъ крупныхъ вѣтвяхъ, такъ называемые «сечные кабинеты» для перлюстраціи писемъ, а вѣдь законы российской имперіи опредѣлены и ясно называются такимъ дѣяніемъ преступлениемъ и караются ихъ, вѣдь при поступлении на службу это начальство предъ крестомъ и евангелемъ клялось служить, соблюдать законы, а не нарушаю ихъ въ угоду всѣластиямъ министрамъ-сыщикамъ.

Гг. Витте и Дурново, захватите и ихъ съ собой, вѣдь русскій народъ отвернется отъ нихъ!

Посовѣтуйтесь и вѣнцу забо́тъ съ опозорившими себя судьями, забытыхъ о томъ, что ихъ назначение — вѣдь законъ и правду, а не угодничать и низкогодолничать предъ сильными мира. Суды, оставляющіе безнаказанными Курловыхъ и Нейгардторпъ, суды, не привлекающіе къ ответственности Рененкампфовъ и Закомельскихъ и виновніе всякимъ божескимъ и человѣческимъ законамъ, по желанію всесильныхъ насильниковъ присуждающіе къ смертной казни несовершеннолѣтнихъ и женщинъ — тѣхъ, судомъ страна уже заключила позоромъ — она ихъ проклинаетъ.

Гг. Витте и Дурново, возьмите ихъ съ собой, захвачивъ и г. Акимова!

Не перешель всѣхъ, кто грабилъ, душа и терзалъ многострадальную Россію. Не перешель всѣхъ, кто грабилъ, душа и терзалъ многострадальную Россію.

И когда идти рѣбѣ обѣ амнистіи, которую выработываетъ «солидарное» министерство до дна открытия думы, я боюсь, какъ-бы въ одну купу не были смѣшаны и друзья народа, страдающіе за родину и ея враги, казнокрады, убийцы, гасилы и душители всего живого.

Поэтому мы-бы хотѣлись, чтобы свобода политическимъ заключеннымъ и со славнымъ былъ данъ не теперешнимъ правительствомъ, а самой страной въ лице ее представителей.

Амнистія слово греческое и значитъ оно буквально «засвѣтіе». Правительство, объявляя амнистію, говорить амнистируемымъ: «мы забываемъ все, что вы сдѣдали; вы свободны».

Это будетъ обидно для томящихся за родину по каторгамъ, тюрьмамъ и ссылкамъ.

Пусть дума скажетъ: вы боролись за родину, вы страдали и страдаете за нее — мы васъ помнимъ, мы васъ цѣнимъ, мы васъ любимъ, и вѣримъ вамъ, идите и работайте вновь, не покладая руки, такъ-же, какъ работали и рабыши, съ той лишь разницей, что теперь ваша работа будетъ желанной, ей будуть помогать, именемъ, когда васъ гнали, сажали по тюрьмамъ, избивали и убивали — прошли и не вернутся!

СТИХОТВОРЕНІЕ. Кольбельная пѣсня. Не для васъ, не для сѣтыхъ, довольныхъ собой, Кольбельную пѣсню пою,

Я пою для несчастныхъ забытыхъ нуждой, Проклинающихъ долю свою.

Послѣ цѣлаго дна непосильныхъ трудовъ Спи, усталый отъ горя и слезъ, И къ постели твоей я пришло свѣтлыхъ сновъ, Безмятежныхъ видѣній и грезъ!

Спи усталый, больной, настрадавшійся Убаюканный пѣсней моей пѣсь! Позабудь, что тебя ожидаетъ твой трудъ Въ цѣломъ рядъ мучительныхъ дней!

Е. Н. Волчанецкая.

Маленький фельетонъ.

Вологодская письма.

Я свободенъ!!! Однако, да не подумаетъ читатель, что я обладаю правомъ свободы слова, собраній, неприкосновенности личности и прочими прелестными вещами свободного гражданина.

Нѣтъ, я просто вышелъ изъ пересыльной тюрьмы и получилъ право писать чистымъ воздухомъ, спать и есть, когда пожелаю, говорить и встрѣтиться съ кѣмъ захочу. Меня больше не обыскиваютъ, не отдаютъ подъ охрану простодушно-строгихъ конвойныхъ, не заставляютъ мучиться отъ головной боли въ душныхъ арестантскихъ вагонахъ, не призываютъ идти по колено въ грязи...

Я свободенъ!!! Волжский городъ Сыктывкаръ жилъ до момента моего изъятія быть не столь благодушенъ по отношенію къ своимъ обывателямъ и ко мнѣ въ частности, какъ мой новая сѣверная резиденція.

Я восхищенъ ю... Больше, я ею пѣненъ... Судите сами. Послѣднѣе впечатлѣніе, оставшееся отъ города Сыктывкара, крайне печально.

Пьяный конвойный офицеръ, оскорбляющій женщины, тоскливы лица участниковъ молодежи, разгоняемой нагайками, они пришли сказать послѣднѣе прощаніе своему учителю — грубой поліціи, и казаки, казаки! — Меркій, скверный сонъ... Нѣтъ, моя сѣверная резиденція въ тысячу разъ мягче и благодушнѣе своей волскій сестры.

Первое впечатлѣніе, ясны, солнечный день, отсутствіе полиціи, улыбающаяся лица молодежи, братскій привѣтъ и братскія пѣсни. Коты съ яицами... Встрѣча, заставила забыть прощеніе. Поговорю, и обараванъ, и пѣненъ...

И мнѣ хочется, хочется обнять всѣхъ обывателей, не исключая даже администраціи, и сказать рѣбѣ: «ты съ гидро... Вѣтрянъ, заставила забыть прощеніе. Вѣтрянъ, и обараванъ, и пѣненъ... И мнѣ хочется обнять всѣхъ обывателей, не исключая даже администраціи, и сказать рѣбѣ: «ты съ гидро... О я бы ее, сказала, я бы... новѣдаль добрушинскимъ обывателямъ, что не вѣдь такъ мирно и благодушно живеться, что есть города на святой Руси, где потоками льется кровь беззащитныхъ, мирныхъ гражданъ, гдѣ слово, администрація, выываетъ нервную троху, даже грудныхъ младенцевъ...

Да проститъ меня читатель, но тѣль головой моей еще не изгладились картины ужаса, и красный смѣхъ звучитъ громко и лихо... Десетки людей, одни съ злобными негодованиемъ, другие со слезами, долго и много рассказывали мнѣ ужасы искорененія крамблы... Молодежь... Въ этиѣхъ разсказахъ было все, пытливое наѣдь, личность, физическое и нравственное насилие, избѣгательство наѣдь беззащитными, наглый смѣхъ въ отвѣтъ рѣдянію...

Маленькие Треповы сидили въ личные сѣти. Я знаѣ сотни примѣровъ, когда ради личной ненависти мѣрныхъ (людей) далекихъ отъ всѣй политики, арестовали, гнали въ ссылку...

Нѣтъ, слишкомъ много впечатлѣній. Мозгъ еще не можетъ вѣтъ переварить. Пройдетъ время. Ужасный материалъ придется въ систему, и русскій народъ прочтъ объективныя записи минувшихъ лѣтъ, вздохнетъ, улыбнется и скажетъ:

«Было и былое есть, пока не пѣненъ мы находимся во власти никакого произвола, разгульной оргіи, отжившихъ божковъ гидры-бюрократіи, мы должны возмутиться и громко кричать противъ насилия и гнета, бороться и страдать, не успокаиваться въ виду случайныхъ обстоятельствъ и наконецъ, выиграть!»

Но пока это есть, пока пѣненъ мы находимся во власти никакого произвола, разгульной оргіи, отжившихъ божковъ гидры-бюрократіи, мы должны возмутиться и громко кричать противъ насилия и гнета, бороться и страдать, не успокаиваться въ виду случайныхъ обстоятельствъ и наконецъ, выиграть!

«Пока это есть, пока пѣненъ мы находимся во власти никакого произвола, разгульной оргіи, отжившихъ божковъ гидры-бюрократіи, мы должны возмутиться и громко кричать противъ насилия и гнета, бороться и страдать, не успокаиваться въ виду случайныхъ обстоятельствъ и наконецъ, выиграть!»

